

Вновь зажѣг огниво и осветив пространство вокруг, Чай И обнаружил, что забрался вглубь каменной пещеры, а за его спиной оказалась не стена, а каменная стела.

Надписи на стеле, долгое время находившейся в темноте и сырости, почти полностью стёрлись от коррозии. Лишь с трудом можно было разобрать несколько иероглифов: «Мин», «Цзинь», «Дань». Эти три слова не имели очевидной связи, и, сколько Чай И ни размышлял, смысл их оставался для него загадкой.

Собираясь убрать огниво, он вдруг заметил тёмный силуэт у основания стелы. Приблизившись и осветив его, Чай И удивился:

— Алхимическая печь?

Печь лежала опрокинутой у подножия стелы, её три ножки торчали вверх, покрытые ржавчиной.

Будучи алхимиком, Чай И испытывал естественную привязанность к таким вещам, независимо от их ценности. Он невольно вздохнул:

— Как жаль эту печь. Она не смогла служить своему хозяину, не смогла создать тысячи пилюль, а теперь полностью проржавела.

С этими словами он взял печь и, внимательно осмотрев, воскликнул:

— Странно, она не полностью разрушена. Кажется, только внешний слой покрыт ржавчиной...

Увидев, что печь ещё может быть пригодна, Чай И сунул её за пазуху. Сейчас у него не было своей печи, а эта оказалась бесплатной. Пусть послужит временно, пока он не сможет купить новую.

Он хотел продолжить осмотр, надеясь найти что-то ещё полезное, но вдруг почувствовал резкую боль в шее, словно что-то укусило его. Чай И машинально схватился за шею и почувствовал в руке живое существо:

— Летучая мышь!

Зубы существа были покрыты красной жидкостью. Чай И швырнул мышь в сторону. Та, словно переешая крови, не смогла взлететь и ударилась о стену пещеры, неясно, потеряв сознание или погибнув.

Он провёл рукой по шее и почувствовал липкую жидкость — это была его кровь.

— Шуршание...

В пещере раздался звук трепещущих крыльев. Осветив пространство огнивом, Чай И увидел множество чёрных силуэтов, машущих крыльями.

Не обращая внимания на рану, он бросился бежать. Летучие мыши преследовали его, не давая шанса на передышку. Чай И бежал, поворачивая за каждым углом, спускаясь по каменным ступеням, пока вдруг не провалился в пустоту. Его голова ударилась о камень, и он потерял сознание.

— Ци Тяньюй... — прошептал он перед тем, как отключиться.

Холод. Пронизывающий холод. Влажность просачивалась сквозь кожу, проникала в кости, словно пытаясь заморозить его.

Чай И очнулся от холода, дрожа всем телом. Он с трудом поднялся и увидел, что лежит у ручья, полностью промокший. Тяжёлая, леденящая влажность, вероятно, исходила от его мокрой одежды.

Ручей тихо тек, отражая полуденное солнце, его поверхность переливалась, как зеркало, в котором отражались далёкие горы и леса.

Он выбрался из пещеры.

Чай И обрадовался, но смех прервал новый приступ дрожи.

Мокрая одежда не годилась для носки, иначе он точно заболит. Осмотревшись, он не увидел никаких признаков людей. Чай И подошёл к двум деревьям, снял всю одежду и обувь, развесив их на ветках. Он даже попытался расположить одежду так, чтобы она прикрывала его наготу.

Когда тело немного согрелось, Чай И почувствовал голод. Вокруг были только травы, и, хотя где-то в кустах или за деревьями могли прятаться дикие животные, его голое тело не подходило для охоты.

Он оглянулся и заметил впереди участок травы, похожей на лук, но с голубыми цветами — это была трава чжуйюй.

Чжуйюй — основной ингредиент пилюли отказа от пищи, которая утоляет голод.

Чай И уже устал от травы и не хотел есть чжуйюй в сыром виде. Он решил приготовить пилюли, тем более что рядом росло коричневое дерево с жёлтыми цветами, источавшими нежный аромат. Это могло бы улучшить вкус пилюль, сделав их более приятными.

Собрав немного цветов и чжуйюй, Чай И вернулся к дереву, где сушил одежду.

На солнце он смог лучше рассмотреть печь, которую взял из пещеры. Она выглядела старой и покрытой ржавчиной, но после небольшой обработки оказалась вполне пригодной. Чай И решил использовать её для приготовления пилюль.

Пилюли отказа от пищи — это базовый уровень алхимии, и Чай И справлялся с этим легко, не требуя полной концентрации. Он откинулся на землю, отдыхая, лишь слегка направляя ментальную силу на печь.

Примерно через четверть часа печь подала признаки готовности. Чай И улыбнулся, вскочил и открыл её.

Пилюли были готовы, и их качество оказалось отличным. Хотя это были всего лишь пилюли для утоления голода, Чай И был доволен результатом.

Он попробовал одну, и слабый аромат корицы наполнил его рот. После дней, проведённых на траве, это было настоящим наслаждением.

— Младшая сестра... — вдруг раздался голос юноши.

Чай И вздрогнул, инстинктивно прикрывшись одной рукой, а другой схватив одежду с ветки. Он постарался одеться как можно быстрее и тише, чтобы его не заметили.

Юноша продолжал:

— Младшая сестра, не будь упрямой. Это путешествие в тайное измерение крайне опасно. С моим текущим уровнем совершенствования я не смогу защитить тебя. Останься, и я принесу тебе сокровища.

Девушка фыркнула и капризно ответила:

— Мне всё равно! Я хочу идти! Если Ци Тяньюй, у которого разрушен небесный духовный корень и нет сил, может пойти, то почему я, мастер боевых искусств семи звёзд, не могу?

Услышав имя Ци Тяньюй, Чай И замер.

Тайное измерение, путешествие...

Что произошло за время его отсутствия?

Юноша с досадой продолжил:

— Это путешествие в тайное измерение не было добровольным решением Ци Тяньюя. Это Ци Чэнъэнь специально устроил.

— Сейчас весь Континент Хуньу знает, что Ци Тяньюй ради своего супруга порвал все связи с Домом Ци и даже заявил, что вычеркнет себя из семейного реестра, больше не считая себя сыном Ци.

Юноша подробно объяснил:

— Ци Чэнъэнь хотел использовать моральное давление, чтобы заставить Ци Тяньюя участвовать. Он сам записал его, и если Ци Тяньюй откажется, то Ци Чэнъэнь сможет обвинить его в непочтительности, неуважении к старшим, позоре семьи и трусости.

— А если Ци Тяньюй пойдёт, то это будет ещё хуже, как овца, попавшая в логово волка. Человек без сил, даже если его кто-то защищает, легко может погибнуть, и никто не станет задавать лишних вопросов.

— Его план был хорош, но он не ожидал, что Ци Тяньюй не будет ценить богатство Дома Ци и просто объявит о разрыве с семьёй, даже раскрыв попытку покушения на него. Хотя Ци Чэнъэнь отрицал всё и обвинял Ци Тяньюя в клевете, это всё же повлияло на его репутацию.

Юноша с сожалением сказал:

— Поэтому Ци Тяньюй точно не пойдёт. Зачем ему искать смерть?

— Он — он, а я — я. Куда он идёт, не касается меня. Я всё равно пойду! Если ты идёшь, то и я иду! — Девушка, видя, что юноша не понимает, топнула ногой и, покраснев от злости, бросила эти слова, прежде чем убежать.

Юноша остался стоять, улыбаясь, думая о словах девушки.

Она, видя, что он не идёт за ней, обиделась ещё больше и побежала дальше.

— Ааа! — Девушка подняла голову и увидела юношу, чья одежда была в беспорядке, обнажая одну ногу, в то время как он спешно надевал обувь. Очевидно, он был совсем голым.

— Бесстыдник, мерзавец! — крикнула она.

Юноша, услышав крик, очнулся от своих мечтаний и бросился к ней.

<http://bllate.org/book/16366/1480153>